

Прижатый к постели сильным мужским телом, Фэн Мин был не в силах вымолвить ни слова сопротивления. Да куда там! Наследный принц не мог даже разорвать поцелуй, пленивший его губы, как и не мог контролировать чужое резкое возбуждение, горячей волной прошедшее по телу господина регента. Воздух словно накалился.

— Как давно я тебя не касался... — жарко выдохнул господин Жун, не скрывая от Фэн Мина своих намерений.

Если до этого юноша смотрел на мужчину так, словно старался показать ему кто здесь главный, то сейчас, когда его застали врасплох, он мог лишь пристально глядеть на регента, лицо которого было теперь так близко и излучало решимость человека, который никогда не проигрывает и при любом раскладе добивается того, чего хочет всем сердцем.

— Э-эй, ты... — заблеял вдруг Фэн Мин, перепуганный до смерти тем, что сейчас может произойти. Неужели ему действительно суждено лишиться моральной девственности — предыдущий опыт этого тела не в счёт, это был не Фэн Мин! — с этим человеком?

Его охватила страшная паника.

Не поймите неправильно, Фэн Мин был не из малодушных, однако уличные драки никогда не были ровней изнасилованию. Он никогда не относил себя к тем, кому нравятся люди своего пола, и теперь мысль о грозящем сексе с мужчиной действительно пугала. Понимая, что сейчас может случиться непоправимое, Фэн Мин словно взбесился. Сосредоточив всю свою силу в руках, он попытался вырвать их из чужой хватки, но разве мог слабый принц сравниться в силе с регентом?

И снова мужчина захватил его губы в плен.

Что делать? Мысли Фэн Мина погрузились в хаос. Он не мог поверить, что всё происходящее с ним — реальность. Он не имел ни силы сопротивляться, ни шансов на побег. Он не мог даже отстраниться, чтобы закончить эти отвратительные лобзания! Фэн Мин вдруг вспомнил, что у него остались зубы, которые могли прикусить чужой язык. Регент так самозабвенно его целовал, что Фэн Мин действительно подумал, будто у него хватит сил заставить его врасплох, пока он так увлечён.

Но не было в этом мире области, в которой господин Жун не был бы искусен, и даже в поцелуях он был мастером. Как только Фэн Мин сомкнул зубы, чужой язык тут же выскользнул наружу. Реакция у регента была превосходной, и когда он отстранился от своей жертвы, его глаза метали молнии.

— Хотел укусить меня? — спросил регент с выражением, которое будто бы злорадствовало.

Господин Жун вскинул бровь, глядя на принца, как на умалишённого, и он продолжил бы насмеяться над неудачной попыткой Фэн Мина повыделываться, если бы алые губы

испуганного принца вдруг не окрасились кровью. Господин Жун побледнел и схватил Фэн Мина за одежду. Багровые капли стекли по острому подбородку, затем по шее. — Ты что, решил покончить с собой?!

Одно тело, одно лицо, но у Ань Хэ никогда бы не хватило духу свести счёты с жизнью. Фэн Мин же предпочёл умереть, чем отдаться регенту.

— Позовите придворного лекаря! Немедленно!

Алая кровь окрасила белую кожу и ворот. Фэн Мин вдруг весь резко обмяк, ослаб, и взгляд его посерел, словно происходящее теперь было в тумане. Господин Жун был вне себя от ярости.

— Ты не умрёшь! Слышишь? Я не позволю тебе умереть!

Как сильно болит язык! Неужели Фэн Мин откусил его? Он уже терял сознание, когда в голове мелькнула мысль, что ему удалось всё же выскользнуть из объятий господина Жуна. Пусть его первоначальный план с забалтыванием с треском провалился, но в конечном итоге ему всё-таки удалось избежать изнасилования. Жаль, конечно, что для этого ему пришлось пойти на крайние меры, но это хотя бы смогло остановить регента.

Фэн Мин ни за что бы не признался господину Жуну, что на самом деле это лишь выглядело попыткой самоубийства, но в действительности ей не являлась. Всё это случилось из-за того, что регент резко прервал поцелуй, и если бы не его хорошая реакция, язык Фэн Мина бы не пострадал. Было бы позорно признаться в этом! Пусть все выглядит так, будто несчастный принц, которого пытались принудить, предпочёл смерть нежеланной близости!

Разгневанный рык регента заставил придворного лекаря словно на крыльях прилететь к порогу опочивальни принца. Пока лекарь осматривал искалеченный язык, господин Жун был мрачнее тучи.

В эту ночь Фэн Мину снова удалось сбежать из его объятий. Как только его самого и его распухший язык оставили в покое, он закрыл глаза и провалился в сон.

На следующее утро во дворце уже не осталось человека, который не знал бы о травме наследного принца. Сколько шуму подняли! На самом деле Фэн Мин не был уверен, что беспокойство это было искренним, поэтому предпочитал говорить, что он случайно прикусил язык во время ужина. Придворный лекарь знал правду, но предпочитал тактично молчать, поддерживая слова принца о том, что он был неосторожен во время приема пищи.

А в это время популярность одной из сплетен обрастала новыми интересными подробностями. Поговаривали, что наследник решил принять яд, чтобы избежать издевательств и насилия со стороны регента. Это, мол, привело господина в ярость и он, желая наказать принца, во время очередного поцелуя безжалостно укусил его за язык. Какие сплетни ходили по дворцу — хоть роман пиши! Каждый в красках описывал произошедшее, будто был свидетелем этой

великолепной сцены, но в действительности же никто не знал правды.

Несмотря на облетевшие дворец сплетни, до ушей господина Жуна они так и не добрались. Поведение Фэн Мина прошлой ночью заставило мужчину потерять привычное ему спокойствие.

Многие годы регент считал, что он хорош собой, силен и умён, а потому не найдётся ни мужчины, ни женщины, кто отказался бы лечь с ним в постель. Кто-то боялся его, кто-то желал роскоши, но все добровольно шли к нему во дворец, и ни один не пытался свести счёты с жизнью после его поцелуев. Однако прошлой ночью выяснилось, что не все так покорны, чтобы добровольно согреть его постель. Кто бы мог подумать, что этот лжепринц, подосланный недругами, без колебаний предпочтёт откусить себе язык и покончить с собой?

Когда господин Жун увидел кровь на губах Фэн Мина, он пришёл в ярость. У него не было привычки врать себе, и он хорошо понимал, что его взволновало это неповиновение. Никто и никогда не позволял себе перечить регенту, в сердце которого зажглось непреодолимое желание подчинить этого непокорного принца. Он помнил тот бесстрашный взгляд, который Фэн Мин бросил на него, и глаза его в тот момент были похожи на глаза дикого леопарда. В наследном принце потрясающе сочетались решительность и очаровательная хрупкость, и теперь, зная, что это не бесхребетный Ань Хэ, господин Жун не мог относиться к нему по-прежнему.

Полночи мужчина не мог уснуть и в конце концов решил, что ему не следует относиться к этому отчаянному самоубийце так, как он планировал раньше. К таким людям стоит относиться по-особенному. Слишком честные, они говорят все свои мысли в лицо и не способны на предательство, а такое во дворце большая редкость. Взяв это на заметку, регент на следующее же утро отправился во дворец наследного принца.

Фэн Мин проснулся в окружении многочисленных заботливых служанок и сразу заметил изменившееся к нему отношение. К принцу, который осмелился противостоять регенту и понёс наказание за своё неповиновение, относились с куда большим уважением, чем к принцу, который постоянно плакал и унижался перед ним.

— Ваше Высочество, просыпайтесь, — встала у постели Фэн Мина Цю Лань, пришедшая разбудить его.

Язык страшно опух и болел так, словно Фэн Мин действительно откусил его. Он не мог толком говорить — только мычал и изъяснялся жестами.

— Придворный лекарь сказал, что Вы можете есть только рисовую кашу на воде. Через два-три дня Вам станет легче, и Вы сможете попробовать фрукты. Не все, конечно, и в маленьком количестве.

Цю Лань подала Фэн Мину тёплую кашу. Он только проснулся, и после вчерашнего происшествия у него болел не только язык, но и голова. Все присутствующие в комнате

внимательно глядели на Фэн Мина, понимая, что принц, бывший раньше ничтожнее мыши, в последнее время проявлял себя только с лучших сторон. Он словно очнулся от многолетнего сна и теперь даже не побоялся противостоять господину Жуну.

Отправив в рот ложку каши, Фэн Мин нечаянно задел ранку на языке и тут же замычал от боли, накрыв губы рукой. Резво проглотив кашу, он несколько раз втянул воздух, стараясь успокоить больной язык.

Чёртов регент!

Возмущениям Фэн Мина не было предела, но все его мысли разлетелись вдребезги, когда до ушей внезапно донеслось:

— Доброго здравия, Ваше Величество!

На пороге показался регент Силэй. Лёгко на помине. Его Изящество редко приезжал во дворец наследного принца в столь добром расположении духа. Облачённый в роскошные выходные одежды, подчёркивающие его крепкое тело, господин Жун пребывал в приподнятом настроении. Если бы он родился в современной эпохе, то непременно бы стал звездой, набрав себе армию преданных хомяков-поклонников.

При виде этой ослепляющей картины Фэн Мин кисло скривил губы. Паршивая удача! Встретить Цао Цао — одно, но встретить Цао Цао, сияющего своим величием, — полнейшее безумие!

Регент подошёл ближе к Фэн Мину и уже хотел заключить хрупкое тело в объятия, одарив его новой возможностью побеситься, но быстро отложил эту идею, вспомнив мысли, что пришли ему на ум бессонной ночью.

— Тебе лучше? — спросил он с легкой небрежностью. — Или язык всё ещё болит?

Если бы у Фэн Мина была возможность говорить, он бы непременно высказал всё, что вертелось у него в голове.

Господин Жун обернулся и остановил взгляд на сомкнутых губах сидящего в постели Фэн Мина. Израненный язык этого юноши и отвергнутые им ласки заставили его переосмыслить свое отношение к этому человеку. Чем дольше он смотрел на него, тем чаще ловил себя на мысли, что Фэн Мин в сотни раз очаровательнее Ань Хэ. Одни только глаза, полные живой энергии, завораживали своей красотой, которой не было равных во всём мире.

Ставить рядом его и Ань Хэ — кощунство.

Регент поймал себя на мысли, что теперь ему интересно не только безупречное тело этого

человека, но и поступки, которые он может совершить. Мужчина захотел остаться в покоях Фэн Мина и провести с ним весь день — фальшивый наследный принц очаровал его своей живостью, своей энергией. Будет кусаться и царапаться — и пусть. Главное — чтобы живой, чтобы не безликая оболочка.

Но, к сожалению, он не обладал таким количеством свободного времени, чтобы полностью посвятить его Фэн Мину. Он зашёл всего на минуту — государственные дела душили его, оставляя свободное время только ночью.

— У меня ещё остались важные дела, — заговорил регент. — А ты береги себя и не создавай ещё больше проблем, — с легкой строгостью в голосе произнёс господин Жун. Он помолчал, а затем продолжил: — Сегодня вечером я снова приду к тебе.

Что? Опять?!

Эти слова произвели на Фэн Мина впечатление: он метнул гневный взгляд на господина Жуну, на котором едва ли не задымились одежды от такого сильного потока чужой ненависти.

«В первый раз ты требовал, чтобы я назвал своё имя. Во второй раз из-за тебя я едва не откусил себе язык. В третий раз мне придётся взять меч и оскопить себя [1], чтобы защититься? »

Звучало смело, но от подобных мыслей Фэн Мина бросило в дрожь. Уж кастрировать себя ему хотелось меньше всего.

Словно прочитав мысли юноши, господин Жун рассмеялся. Если с бывшим наследным принцем он многое себе позволял, то Фэн Мина обижать совсем расхотелось. Пребывая в отличном настроении, регент вдруг заговорил мягким голосом:

— Не бойся, сегодня я не стану тебя насиловать.

Он кивнул, глядя на Фэн Мина, и вышел прочь из комнаты. Возникшая тишина была доказательством полного выпадения из реальности всех присутствующих. Теперь умственное состояние первых лиц государства вызвало вопросы: сначала поведение наследного принца кардинально поменялось, а теперь и господин Жун последовал его примеру.

Пусть Фэн Мину и не понравилась сама идея нахождения регента в его комнате, отказать в силу почти откушенного языка он не мог. Беспорядочные махания руками и протестующее мычание тоже не особо помогли бы.

И действительно! Как только наступил вечер, господин Жун уже был тут как тут.

— Я уладил все дела так быстро, как только мог, поэтому даже не успел поесть, — заговорил

регент, как только вошёл в комнату наследного принца. — Поэтому ужинать я буду с тобой.

У Фэн Мина мгновенно пропал аппетит.

Губ господина Жуна коснулась мягкая улыбка, когда он поглядел на принца, лицо которого выразило страшное недовольство. Становилось очевидно, что юноша не в восторге от его компании, однако кому вообще пришло в голову делать наемного убийцу из человека, у которого на лице всё написано? Господин Жун пока не смог выяснить, кто подослал Фэн Мина, но неужели его выбрали только из-за того, что он похож на Ань Хэ?

— Как? — шуточно возмутился регент. — Ты не хочешь поужинать со мной?

После ночных размышлений господин Жун понял, что его отношение к Фэн Мину было скорее привычкой, чем действительно ненавистью: долгие годы Ань Хэ раздражал его одним своим видом, и Фэн Мину пришлось немного пострадать из-за своего предшественника. На самом же деле впервые за долгое время регент чувствовал себя спокойно. Весь день он улаживал дела страны, не жалея себя, и к вечеру был страшно вымотан, однако теперь, в компании Фэн Мина, он внезапно нашёл источник спокойствия и морального отдыха. У наследного принца всё было написано на лице, — словом, он внушал настоящее чувство безопасности и уюта.

Регент потянул Фэн Мина к обеденному столу, когда прислуга накрыла, и, присев напротив недовольного принца, принялся наслаждаться мастерством придворных поваров.

— Это блюдо из сочного утиного мяса с хрустящей корочкой, масла и мелко нарезанного лука готовят из птиц, которых сначала ловят, а после держат два месяца в чистой клетке. Их не кормят около трех дней, а после дают миску с соусом. От голода уткам не остается ничего другого, кроме как пить этот соус, и он равномерно наполняет собой их мясо, насыщая особенным ароматом. Затем птиц жарят в масле и приправляют мелко нарезанным луком. Бесподобно, бесподобно!

Регент знал, что раненый язык не позволит Фэн Мину сегодня распробовать все эти ароматные блюда, и для него приготовлена лишь одна пресная рисовая каша. Разве мог удержаться регент от того, чтобы подразнить несчастного принца?

Фэн Мину и так было тошно, а тут ещё и этот привязался! Как только он учуял нежный аромат жареной утки, сразу же повернул голову, не выдержав. Сегодня ему можно только созерцать этот вкусный ужин, а глотать придется только слюнки и эту невкусную кашу.

Заметив это обиженное выражение лица наследного принца, господин Жун внезапно расхохотался. Вышедшие наружу слуги вздрогнули, не понимая, что могло вдруг развеселить регента. Он никогда не смеялся в компании наследного принца.

Прозвучавший смех показался Фэн Мину настоящим издевательством, и он метнул гневный взгляд в сторону регента, словно желая испепелить его. С тех самых пор, как он провалился в

этот чертов портал, он тренировал этот взгляд по десятку раз на дню, одаривая им порой не только стражу, которая не пускала его на улицу подышать свежим воздухом, и не только слуг, которые пытались запереть его во дворце, но и этого Цао Цао, что сидел перед ним, с аппетитом уплетая жареную утку.

Примечания:

[1] Оскопление — кастрация.

<http://bllate.org/book/13377/1190033>